

КОСТЮМЧИК ДЛЯ ЖЕНЬКИ

ПОВЕСТЬ

НАТАЛЬЯ ВОЛЬНЕЙ
Родилась в Мурманске в 1976 году. Окончила ВГИК (сценарный факультет), Литературный институт имени А. М. Горького. Автор сценария «Нежных встреч» и «Александра Ноллонтай. Дорога к одиночеству».

Автор рассказов «Одна большая любовь и Феллини» (2020, Италия, в книге «Coronavirus vite sospese»), «Ночь Варфоломея» (2021, Германия, сборник «Техника молодежи»), «Подарок вождя» (2020, Москва, сборник «Святочные рассказы»).

К Ларисе в первом классе подошла девочка и сказала: «Знаешь, мы все умрем, поэтому учиться смысла нет». Лариса в это сразу поверила и решила, что учиться она больше не будет. Ей все равно не нравилась школа. Она не любила рано вставать, заплетать косы и тащиться с ранцем по утреннему Мурманску.

Первая учительница была толстой теткой с кудрявой челкой. Ее большой зад, обтянутый синей юбкой, придавал ей величественный вид. Ларисе казалось, что это даже не зад, а две большие заколдованные пещеры, в которых живут красивые синие бабочки, и если пухнуть из рогатки жеваную бумагу, из пещер вылетят эти маленькие бабочки и разлетятся по всему классу. Учительница требовала аккуратно выводить буквы и не заходить за поля. Если не получалось, она начинала кричать и бить указкой по столу. От ее крика закладывало уши.

Придя домой и бросив ранец посередине коридора, Лариса поцеловала мать и спросила:

- Мам, а правда, что мы все умрем и поэтому учиться смысла нет?
- Мама вздохнула.
- Кто тебе об этом сказал?
- Катя. Она сказала, что нет ни одного человека, который бы не умер. Ты знаешь, когда я умру?
- Не думай об этом. Нескоро. Но учиться все равно придется. А теперь мой руки и садись за стол.

Ешь спокойно и не забывай хорошо жевать. Скоро Светочка проснется.

После рождения младшей сестры Светы мать как подменили. Все свое внимание и любовь она стала отдавать младшей дочке. Ларисе казалось, что мама перестала ее любить.

Валентина действительно обожала младшую дочь и считала, что наконец у нее появился смысл жизни. А Лариса с пяти лет стала чувствовать себя ненужной, особенно после одного случая. Они собирались пойти на прогулку. Лариса должна была с коляской ждать на улице мать. В это время Ларисин друг позвал ее кататься на горку. Погода была на редкость солнечная, дети на площадке смеялись и радостно визжали. Лариса не выдержала и побежала к ним, оставив коляску возле подъезда. Соседская девочка подошла с ведерком песка к коляске и, посмотрев на Свету, высыпала на нее песок. Та заорала как резаная. На крик выскочила Валентина, схватила дочку и бросилась с ней домой. Когда Свете промыли глаза и она перестала плакать, Валентина прижала ее к себе. Она очень испугалась, а Света, казалось, уже и забыла, что с ней произошло.

Когда Лариса прибежала домой, Валентина взяла скакалку и отхлестала ее так, что та не могла неделю сидеть. Лариса извивалась под ударами и просила прощения, но мать словно обезумела и не могла

остановиться. С тех пор Лариса перестала любить младшую сестру. Маму она просто боялась. Стоило ей провиниться, та сразу бралась за морской ремень отца и лупила дочь. Это вошло уже в привычку. Свету ни разу не били. Это еще больше заставляло Ларису страдать и думать, что мать ее ненавидит.

Отец Александр Николаевич Макарин был моряком. Он регулярно ходил в плавания, дома бывал пять-шесть месяцев в году. В первый раз Ларису он увидел, когда ей исполнилось полгода, а потом в год. Так и жили: полгода с ним, полгода без него. Как только Лариса привыкала к отцу, он уходил в море.

В свои двадцать шесть лет Александр занимал должность старшего механика, которой обычно добиваются ближе к зрелости. Когда ему было двадцать четыре, он совершил подвиг. Во время сильного шторма сломался рефрижератор на судне, которое возвращалось в порт с рыбой. Штатный механик не смог починить, и дали радиogramму находящимся рядом судам с запросом помочь устранить поломку. А на самом деле это означало: кто сможет принять ответственность за эту ситуацию. Александр тогда был единственным, кто вызвался это сделать. За несколько месяцев до этого случая он штудировал книги по устройству рефрижераторов, потому что мечтал работать на больших судах. Так как никто больше не вызвался ремонтировать, было решено, несмотря на шторм, перебросить молодого механика с другого судна. Александр с трудом, но починил рефрижератор: с третьей попытки тот издал звук, который встретили аплодисментами. Улов был спасен, и команда не осталась без зарплаты. На берег Александр вернулся известным человеком.

Мать всегда ставила отца Ларисе в пример и требовала хорошо учиться и безупречно себя вести. А это было сложно. От своего внутреннего одиночества Лариса уходила в мир грез, где все было по-другому, где она была нужным и важным человеком и никто ее не бил. Когда никого не было дома, она танцевала: ставила пластинку и, стоя перед трюмо, представляла себе, что она на сцене и ей все аплодируют. Эта игра могла длиться часами, пока не раздавался звук открывающейся двери. Лариса выключала проигрыватель, бросалась в свою комнату и делала вид, что читает книжку.

В третьем классе Ларису отобрали в балетную студию. Это стало спасением. Она влюбилась в балет. Быстро пообедав после школы, Лариса бежала в студию. Стоя у станка в черном купальнике, она любовалась собой. Лариса танцевала до десятого класса, но на очередной диспансеризации выяснилось, что у нее порок сердца, и ее из студии от-

числили. Этот день был самым мрачным в ее жизни. Она по-прежнему приходила на занятия и со слезами просила, чтобы ее пустили к станку. Все было бесполезно. Мать тоже страшно переживала, но вместо поддержки твердила, что дочь непутевая и даже сердце у нее плохое, хотя дома та скачет, как лось.

Валентину раздражало, что дочь стала чаще бывать дома. Лариса это чувствовала и не знала, куда себя деть. Ее спасала подруга Катя, у которой можно было пропадать часами. Катя угощала ее заграничным ликером и болгарскими сигаретами. Ларисе нравились эти вечера. Мать Кати София читала им Бродского:

*Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.*

*И цифры как-то сходятся в слова,
Откуда приближаются к тебе
Смятенье, исходящее от А,
Надежда, исходящая от Б.*

*Два путника, зажав по фонарю,
Одновременно движутся во тьме,
Разлуку умножая на зарю,
Рассчитывая встретиться в уме.*

София тоже была замужем за моряком и очень по нему тосковала. Она говорила, что это большое испытание для женщины – так надолго расставаться с любимым мужем. Слушать ее было интересно, она рассуждала о таких вещах, о которых в доме Ларисы никто не говорил. У Ларисы в семье был культ чистоты и денег. Все детство она слышала про измены отца и думала, что так бывает в каждой семье: муж изменяет и за это откупается деньгами. И только в семье Кати она стала понимать всю дикость этого компромисса. Ведь можно счастливо жить с любимым человеком, ждать его, скучать и с нежностью думать о нем. И никакие деньги не заменят настоящие отношения...

Валентина же всегда радовалась, когда муж уходил в море: она уставала от бесконечного прислуживания Саше и выполнения всех его ЦУ, как она называла его просьбы. Как только муж уходил в плавание, Валя выдерживала три дня, веря в народную примету, а потом затевала генеральную уборку.

Она проворачивала деревянной скалкой в огромной кастрюле скатерти и занавески и потом крахмалила их. А Лариса должна была пылесосить и бесконечно мыть полы: а то вдруг люди придут, а дома грязно.

Лариса огрызнулась.

– К нам из-за твоей стерильности никто не ходит.

Валя в такие моменты сравнивала дочь со своей свекровью Клавдией Ивановной, называла ее грязнулей и добавляла, что у Лариски казачья кровь, глаза такие же, как у Клавы, колючие и недобрые. Лариса отвечала, что гордится своей бабушкой и при первой же возможности обязательно поедет к ней в Уральск.

– Триста лет ты ей нужна! Эта старуха живет в свое удовольствие, как и ее сын. Им вообще никто не интересен, а ты особенно.

– За что ты ее так ненавидишь, мама? – как-то спросила Лариса.

– Молоко на губах не обсохло такие вопросы мне задавать, – в сердцах ответила Валя и дала новое задание.

Света никогда не напоминала Валентине свекровь. С возрастом она ловко научилась управлять матерью, чувствуя, что ей не хватает ласки. Света подходила к ней, обнимала, кладя голову на плечо, и говорила:

– Мамочка, чем тебе помочь? Ляг, родная, отдохни, хочешь – я тебе массаж сделаю... я правда опаздываю, но это ничего, добегу потом.

Валя прижимала к себе дочь, целовала ее.

– Ну что ты, милая, иди, а то опоздаешь. У тебя деньги есть на буфет?

– Мне не надо, спасибо, я же дома поела. Твоя еда не сравнится ни с чем.

Валя брала кошелек и протягивала Свете рубль. Та ловко засовывала его в карман, на прощание еще раз целовала мать и выходила из квартиры.

У них был обычай: Валя всегда стояла у окна и, дождавшись, когда Света выйдет из подъезда, махала ей. Света в ответ посылая воздушный поцелуй. Валя улыбалась и задвигала крахмальную занавеску.

Ларису младшая сестра раздражала своей хитростью, лицемерием и приспособленчеством. Ей часто хотелось врезать сестре за вранье и изворотливость, но она понимала, что все бесполезно, Светка уже не изменится.

* * *

В школе у Ларисы дела шли хорошо. Она любила литературу, биологию и химию. Ее тетрадки были украшением школьной выставки за грамотные и содержательные конспекты. Учителя пророчили ей большое будущее в биологии или химии. Лариса выбрала химию.

Она легко поступила в фармацевтический техникум в Ленинграде и наконец-то почувствовала себя свободной. Учеба давалась ей легко. Отец снял дочери квартиру, чтобы она не жила в общежитии, где, как он считал, «рассадник разврата и женщины пахнут треской». В юности он много времени проводил в мурманском женском общежитии медучилища. Он меньше всего хотел, чтобы дочь вела себя как те женщины, которых он навещал.

Лариса быстро перезнакомилась с неформальной тусовкой молодых людей. Время бежало с ними незаметно. Она посещала квартирники, ходила на танцы и слушала за бутылкой вина заумные речи о «совке» – его ненавидели все, и Лариса как-то быстро поняла, что со всеми его нелепыми запретами и несвободой она его тоже терпеть не может.

Через какое-то время Лариса влюбилась в длинноволосого гитариста ленинградской музыкальной группы. Гитарист, старше ее на восемь лет, ушел к Ларисе от беременной жены, и с ним она узнала все прелести свободной любви. В результате экзамены за третий курс техникума Лариса уже сдать не смогла.

Родители исправно высылали деньги раз в месяц. Лариса звонила им и говорила, что все у нее хорошо, особенно учеба. Она наслаждалась этой жизнью. Волосатый гитарист показал ей знаменитые фильмы, познакомил со своими друзьями, ввел ее в мир легких наркотиков. А потом за ним приехала мать и, схватив за волосы, посадила в такси, назвав Ларису малолетней шлюхой.

Оставшись одна в квартире, Лариса легла на кровать и зарыдала. Ей казалось, что жизнь ее кончена, ничего хорошего больше не будет. Она была уверена, он обязательно вернется: не может же он вот так просто оставить ее. Между ними была такая связь, которую даже его мать не в силах оборвать. И как она вообще посмела приехать сюда? Он принадлежит Ларисе и больше никому. У них было столько планов! Она не сможет без него жить.

Лариса не выходила из квартиры, боясь пропустить его приход. И когда в дверь позвонили, Лариса вскочила и бросилась к двери. Но на пороге вместо гитариста стояла мама.

Оказалось, из техникума позвонили и сообщили, что их дочь не появляется на занятиях уже полгода.

Валентина нашла Ларису зареванной и полностью разбитой. В заросшей грязью квартире был такой бардак, от вида которого у Вали замерло сердце. Она взяла ведро, тряпку и стала убираться. Под кроватью она нашла мужские трусы и, бросив их на кровать, заорала, что она родила шлюху, такую

же, как и ее отец. Лариса равнодушно заметила, что все не так плохо, ведь у нее есть Света, ее любимая дочь. Валя закричала, чтобы Лариса не смела проносить имя этого светлого человека.

– Ты мизинца ее ноги не стоишь!

Лариса попросила оставить ее в покое, ведь мать уже сделала главное – убралась, и теперь можно уезжать обратно. Валя молча выслушала и спокойно ответила, что раз ее отчислили из техникума, они обе уезжают в Мурманск, и это не обсуждается.

Она подносила Ларисину одежду к носу, нюхала, морщилась и по привычке аккуратно складывала стопочкой.

Лариса посмотрела на мать.

– Пожалуйста, оставь меня в покое. Я не хочу никуда ехать. Я устроюсь на работу и буду сама оплачивать квартиру.

– Ты в лицо нам с папой плюнула... Я так надеялась, что ты выучишься и станешь человеком, но, видно, гены берут свое.

– Ты не понимаешь, я должна его дождаться. Я не могу отсюда никуда уехать. Он придет, а меня нет.

– Захочет – найдет. Собирайся!

– Да как он меня найдет, если я в Мурманск уеду?

– Молча! Ты же не на Северный полюс уезжаешь. От Ленинграда до Мурманска два часа лету.

– Я никуда не поеду! Хоть убей меня.

Валя присела на кровать рядом с дочерью. Опустила руки на колени. Посмотрела на Ларису и аккуратно погладила ее по ноге. Лариса лежала, свернувшись в клубок, и старалась не смотреть на мать.

– Ларочка, доченька, надо ехать. Хозяйке я уже позвонила. Напишешь своему парню письмо, укажешь адрес, и он к тебе придет, если между вами такая любовь.

– Куда я ему напишу? – Лариса снова разревелась. – Я даже адреса его не знаю.

– Тогда напишешь ему до востребования. Он придет на почту и увидит твое письмо.

– Он никуда не пойдет... Я его здесь дождусь!

– Боюсь, что не получится, но мы обязательно что-нибудь придумаем.

* * *

Когда они приехали в Мурманск, Лариса увидела, что в родном городе ничего не изменилось. От этого стало еще тоскливее.

Светочка готовилась к поступлению в Ленинградский институт кинофикации на факультет светотехники.

Лариса в порыве откровения сказала ей:

– Сваливай отсюда скорее, существует другая жизнь.

Света обняла крепко сестру.

– Я знаю. Увидимся вечером.

Она поцеловала мать, взяла в шкафу три рубля и сказала, что будет около десяти, но, возможно, задержится: у нее сегодня репетитор. Лариса увидела, как в сумку Света сунула пачку сигарет и короткую юбку. Она выпорхнула из квартиры, помахала маме, которая смотрела в окно, как ее луч света скрывается за поворотом.

Младшая дочь и правда была для Вали лучом света, она поэтому и назвала ее так. Родила она ее легко, на одном дыхании, а с Лариской три дня мучилась. Когда Светке было полтора года, Валя узнала, что Саша изменяет ей с лучшей подругой. Она не ожидала такой подлости от подруги. От Саши ожидала, а вот от подруги нет. Придя домой, она сказала ему, что не хочет больше жить. Валя убралась в квартире, уложила детей и закрылась в ванной.

Саша выбил дверь в ванную в тот момент, когда Валя уже держала лезвие в левой руке.

– Валя, я-то ладно, проживу без тебя, Лариску к матери своей отправлю, ты все равно ее не любишь, а вот что я Свете скажу? Завтра она проснет, пойдет голыми ножками по полу и спросит, где мама. Просто скажи мне, что ей ответить. И вышел.

Валя полежала еще немного в ванной, убрала лезвие, вытерлась белым полотенцем, намазала лицо кремом и зашла в спальню.

– Я буду жить ради детей, – сказала она Саше, – а ты делай что хочешь.

Саша обнял ее и сказал:

– Прости.

Потом снял с нее полотенце, положил на кровать и навалился.

– Только не в меня, – сказала Валя, но было уже поздно.

Через два месяца она пошла на аборт.

Врач, женщина с густыми волосами, убранными под шапочку, с большой бородавкой над верхней губой, участливо спросила Валу:

– Который по счету?

– Восьмой...

– Почему оставить не хотите?

– У меня уже есть две дочки! Мальчика бы оставила...

Когда все было кончено, снимая перчатки, не глядя Вале в глаза, врач проговорила:

– Мальчик...

Это был последний аборт в Валиной жизни. Вместе с тем мальчиком ушла способность Валентины рожать. Когда она это поняла, то успокоилась.

После этого аборта она еще больше полюбила Свету, и еще сильнее ее стала раздражать Лариса, которая с возрастом все чаще напоминала свекровь. Та недолюбливала Валентину и считала ее недостойной своего сына, хотя именно свекровь, узнав о ее беременности, заставила Сашу жениться.

При Саше она старалась не показывать свое равнодушие к старшей дочери, а он все видел и понимал, но ничего поделать не мог. Нужно было бросить море, чтобы в этой семье все пошло по-другому. А без моря он не представлял свою жизнь.

Валю интересовали только деньги и чеки. Она ходила каждый месяц по пропуску в магазин «Альбатрос» с пачкой бонов, выбирала себе и Свете наряды. Ларисе такая роскошь не полагалась. Валентине было жалко тратить драгоценные чеки на старшую дочь: все равно все валяться будет. Один раз наденет, потом залезет в свои старые джинсы, а на новые вещи даже не посмотрит. Все у нее через жопу. Мы со Светочкой каждую вещь бережем, а ей на все наплевать.

Однажды Лариса спросила отца, почему ей никогда не покупают вещи в «Альбатросе». Саша сказал, что поговорит с мамой. Возможно, это какое-то недоразумение.

Вечером после ужина он спросил жену.

- Валюш, почему ты так относишься к Ларисе?
- А ты попробуй поживи с ней, может, поймешь.
- Это несправедливо: одной покупать вещи в «Альбатросе», а другой нет. Поставь себя на ее место.
- Это ты мне будешь про справедливость говорить? Ты еще про совесть вспомни! Она вся в тебя и в твою мать, с ней же невозможно жить!
- Валя, опомнись! Это же твоя дочь! Так нельзя относиться к человеку!
- У меня твои лозунги знаешь где сидят! Я устала! Она швырнула мельхиоровые приборы в раковину.
- Если такой умный, давай разведемся, и ты будешь жить с Лариской. И не видать тебе тогда твоей заграницы как собственных ушей. Вот баба твоя там расстроится, – заключила Валя и вышла из кухни.

Она подошла к окну. Уже наступили белые ночи, и на улице теперь всегда было светло. Ей вспомнилась одна история. Это было лет десять назад. Валентина была с детьми в пионерском лагере в Пицунде. Она специально устроилась воспита-

тельницей, чтобы побыть с детьми на море два месяца. В то лето Саша должен был уйти в рейс через неделю после их отъезда. Но не ушел. А еще через месяц он вызвал Валю телеграммой: «Срочно приезжай. Подробности при встрече. Целую Саша».

Валя вылетела в Мурманск тем же вечером. Когда она зашла в квартиру, то не узнала ее. Все было застелено белыми простынями, в квартире стоял неприятный запах. На кухне, опустив голову, сидел убитый горем Саша. Валя, увидев мужа, вскрикнула: «Что случилось?» Саша бросил на жену потерянный взгляд и сказал: «Сядь!» Валя молча села, ожидая чего-то неприятного.

– Я спас тебя от позора.

Валя, опешив, только и смогла вымолвить:

– От какого позора? О чем ты говоришь?

Саша налил Вале стопку водки. Та ее молча выпила. Саша подошел к окну и посмотрел на двор сухими воспаленными глазами. Выдержал паузу.

– Когда вы уехали, я должен был уйти в море. Но в последний момент судно не сняли с рейда, и наш рейс отложили. А деньги я все потратил... Сама знаешь, сколько я вам на море дал...

Саша быстро, прерывисто перевел дыхание.

– Я знаю, в это сложно поверить, но я был вынужден это сделать, Валя!

Валя с ожиданием смотрела на мужа.

– Что ты натворил, Саша?

– Я сдал детскую семейной паре. И мы все, естественно, пользовались ванной и туалетом. А несколько дней назад я узнал, что мы больны.

– Что? Чем мы больны, Саша? О чем ты говоришь?

Валя приподнялась с табуретки и оперлась руками на стол.

– Сядь, Валя. Это еще не все. Я спас тебя. Я упрямил заведующую КВД не сообщать в лагерь о нашей беде.

– Что? Что ты сказал? Что ты подхватил?

Валя вскочила со стула и заметалась по квартире. Саша бросился за ней и схватил ее за руки.

– Ты хоть понимаешь, что бы говорили про тебя в лагере, если бы тебя вызвали телеграммой из КВД?

Валя со всей силы размахнулась и дала Саше пощечину.

– Ты думаешь, я поверю, что ты сдал комнату в нашей хрущевке и жильцы заразили тебя грязной болезнью?

– Это правда. Меня обокрали, и не было денег. Знакомая пара попросилась пожить у нас неделю за хорошие деньги. Я их впустил.

Валя почти взвыла.

- Я не могу больше! У тебя было в пять раз больше денег, чем у нас, и ты хочешь, чтобы я поверила, что у тебя не было денег? Чем ты заболел?
- Я оказался жертвой этих людей... Больны были они... Но их строго накажут! Я это так не оставлю!
- Ты бы хоть что-то поумней придумал!

Валя внимательно вчитывалась в диагноз, который был написан латинскими буквами на бланке КВД.

- Я не могу понять, что здесь написано...
- А я не могу произнести это вслух...
- Ах ты скотина похотливая!

И Валентина снова ударила Сашу по лицу, потом схватила со стола бутылку и бросила в него. Саша увернулся, бутылка попала в зеркало. Оно вдребезги разбилось.

Она и сейчас испытывала огромный стыд, вспоминая, как каждый день приходила в КВД, опускала глаза под укоризненными взглядами медсестер, делавших болезненные уколы. На эти процедуры она всегда очень тщательно собиралась. Прическа, маникюр, красивая одежда: все для того, чтобы показать, что ее присутствие здесь – какая-то ошибка.

И почему она от него не ушла, почему простила его? Она часто задавала себе этот вопрос и не могла найти ответ.

* * *

В родном доме Лариса не находила себе места. Ее раздражало буквально все, особенно мать с ее страстью к чистоте и порядку. Ларисе хотелось сорвать белые занавески и разбить английский фарфор, на котором они каждый день обедали. В центр комнаты мать выдвигала стол, застилала его скатертью и водружала на середину супницу; потом в ход шли всевозможные тарелки и соусницы. После трапезы посуду мыла Лариса. Она уже отвыкла от местной жесткой воды. Нужно было приложить большие усилия, чтобы смыть с тарелок остатки вонючего хозяйственного мыла. Фарфор противно скрипел в руках. Ох, сколько раз ей хотелось запустить эти тарелки в стену, но Лариса лишь бросала: «Я все убрала» – и быстро покидала квартиру.

По вечерам она ходила в Дом культуры на танцы, чтобы отвлечься от назойливых воспоминаний о гитаристе. Как советовала Валя, она написала ему много писем до востребования, но ответа так и не получила.

В ДК лихо отплясывала ее младшая сестра. Светка была некрасивой, у нее были узкие глаза, маленькая вытянутая голова и острый длинный нос.

Фигурой она тоже не задалась. Полные ноги нелепо выглядывали из-под короткой юбки. Икры у нее были как бутылки, и из-за этого она казалась меньше ростом. Танцевала Светка азартно, абсолютно уверенная в том, что все любят ее. Но успехом у мужчин не пользовалась, чего нельзя было сказать о Ларисе. Та была нарасхват. Лариса полностью растворялась в музыке. Балетная выучка проглядывала во всех ее движениях.

С танцев они возвращались вместе. Лариса заходила первой, чтобы мать ничего не заподозрила.

Светка появлялась минут через пятнадцать, плюхалась на кухне на табуретку, быстро поглощала приготовленный для нее ужин и вдохновенно врила матери, как она устала от занятий.

Та гладила ее по голове и смотрела с любовью. Иногда Валя улавливала на волосах запах никотина. Светка придумывала, что курит либо репетитор, либо кто-то еще. Валя несла флакон духов и прыскала на волосы любимой дочери. Лариса заходила на кухню, смотрела на это любование, и ей хотелось плюнуть.

Перед сном она спрашивала Светку, не стыдно ли ей так врать. Та, зевая и поворачиваясь на другой бок, отвечала, что она не может сделать больно матери.

– Тебе не понять, – заключала Света и проваливалась в глубокий сон.

Напротив дома располагалась школа бухгалтеров, туда и определили Ларису. Однажды в очереди к зубному она познакомилась с разбитной девицей. Та сообщила, что учится на парикмахера. Была в ней какая-то свобода, которую уловила Лариса впервые после возвращения из Ленинграда. Она решила поступить в то же училище. На экзамене нужно было нарисовать форму головы и придумать к ней прическу, с чем Лариса успешно справилась. Дома она врила, что учится в бухгалтерской школе.

В училище Лариса почувствовала себя на своем месте. Ей нравилось учиться стричь, делать «химии» и изучать особенности строения черепа. Через полгода у нее появились первые клиенты, а вместе с ними и первые деньги.

Когда мать узнала, что Лариса бросила школу бухгалтеров и учится на цирюльника, в доме разразился скандал: Валя кричала и обзывала дочь мерзкой девкой, которая считает своим долгом превратить ее жизнь в ад и опозорить семью. Лариса в ответ молчала. В итоге она собрала сумку и выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

Валя умылась холодной водой, посмотрела в зеркало и, выключив воду, устало вздохнула. Потом она

прошла по квартире, подняла с пола брошенные дочерью вещи, положила их на кровать, задержала внимание на фотографии, где, прижавшись к дереву, стояла Света, бросила взгляд на полку с книгами о Ленине и вспомнила давний случай.

Та зима в Мурманске выдалась на редкость теплой. Снегом замело только ту часть города, где были сопки. Лестница из трехсот ступенек была очень скользкая. Валя осторожно спускалась по скользким ступенькам, крепко держа за руку шестилетнюю Свету. Она готовилась осенью идти в школу, любила книги и книжные магазины, куда они с Валею часто заходили.

В тот день Валя и Света возвращались домой. Они свернули на площадь Пять углов. На улице светились транспаранты «С Новым годом!». От нахлынувшего порыва ветра Валя, сильнее укутавшись в меховой воротник, прибавила шаг. Света заканючила: «Ну что ты меня тянешь, как резинку, давай лучше в книжный магазин пойдем».

И они зашли. Света с детским восторгом сразу подбежала к полкам, где продавались книги о Ленине. Одна из них, в красочном переплете, сразу оказалась у нее в руках, и глаза Светы загорелись. «Мамочка, посмотри, вышла новая книга про Ленина. Давай мы ее купим папе!» Ребенок крепко прижимал к груди книжку в дорогом переплете с красивыми золотыми буквами, еще пахнущую типографской краской. В свои шесть лет она знала все книги про Ленина, которые продавались в магазинах Мурманска. Она держала книгу как великое сокровище, боясь выпустить ее из рук.

– Мама, ты представь: папа приходит с моря, а дома на его полке новая книга о Ленине! Как он обрадуется! Сразу прочитает, а мы ему скажем: «А это мы тебе купили к Новому году».

Валя с грустью посмотрела на дочь и на книгу. С обложки улыбался вождь пролетариата. И ведь не расскажешь дочери, что Саша никогда в жизни эти книги не открывал. Он покупал их и ставил на видное место на книжной полке, чтобы любой входящий мог увидеть, что в этом доме живет коммунист, который почитает Ленина.

Валя вздохнула. Света ни за что не хотела расставаться с этим сокровищем. На обороте стояла цена – три рубля семьдесят пять копеек.

В кошельке последняя пятерка. Завтра опять придется звонить Оле, жене Сашиного брата, и просить деньги в долг. Валя купила книгу, чтобы не разрушать миф о прекрасном отце. Домой она шла в подавленном состоянии. Света радостно щебетала о том, как ее прекрасный папа увидит книгу и бу-

дет очень рад. «Он даже ее не заметит», – про себя подумала Валя и меланхолично что-то ответила дочери.

Дома она разделась и заперлась в ванной. Слезы лились, и вода с огромным напором била в чугунную ванну. Ошеломление от покупки не проходило. Валя посмотрела на себя в зеркало, протерла лицо огуречным лосьоном и выключила воду. Ее размышления о несчастной женской доле прервал истошный детский крик. Валя пулей выскочила из ванной.

На полу валялись книги про Ленина. Света держала в руках двадцатипятирублевые купюры. Плача и всхлипывая, она пыталась объяснить Вале, что хотела вынуть и поставить на видное место новую книгу про Ленина и что когда достала книжку с портретом, упали другие, и теперь она не помнит, как они стояли, а из одной книги выпали деньги, но она не успела увидеть, из какой...

Валя оглядела комнату. На полу были разбросаны сиреневые купюры по 25 рублей. Валя обняла дочь и поцеловала ее. «Я все помню», – сказала она и стала собирать деньги. Сумма оказалось внушительной. «Он опять по пьяни сделал тайник и забыл где», – предположила Валя и стала перелистывать с энтузиазмом оставшуюся библиотеку.

– А что мы ищем? – спросила Света.

«Папину совесть», – чуть не сорвалось у Вале... но, посмотрев на счастливого ребенка, она сказала: – Мы ищем клад. – И они со Светой засмеялись.

Сейчас она посмотрела на эту же книжную полку и вышла из комнаты. «Какой он все-таки подлец и бабник», – подумала она о муже.

Саша был очень красив, остроумен и обаятелен. Он великолепно бил чечетку и красиво танцевал танго. Валя растворялась в нем, когда он обнимал ее за талию и плавно водил в танце. «Доверяй партнеру, чувствуй меня. Я вожу», – говорил он ей, когда только начинал обучать ее танго. Валя понимала, что муж нравится многим женщинам и отвечает им взаимностью. Но стихи он писал только ей. Валя аккуратно открыла полированную дверь серванта из венгерского гарнитура. Ее рука нырнула в выглаженную стопку белья, сложенную по цвету, и сразу нашла белый блокнот. Валя открыла и, в сотый раз вглядываясь в неразборчивый почерк, стала шепотом читать стихи Саши.

*Если сердце потребует властно
Мужской ласки и теплоты,
Не расстрачивай чувств понапрасну,
Не топчи нашей жизни цветы.*

*Сердцем слушай мое признание.
Сядь. Стихи читай не спеша,
В каждой строчке твое дыханье,
В каждом слове моя душа.*

*Моих чувств не измерить мерой.
Пей из строчек любовь мою!
Полон я твоей нежностью, верой,
И поэтому звонко пою!*

*Белой ночью июльской нашей
Поцелуем тебя разбуджу.
Вместе жить и теплее, и краше.
Спи. Любовью твоей дорожу.*

Валя перевернула страницу и стала читать дальше. Она знала все стихи наизусть, но всегда читала как в первый раз. Они ее успокаивали.

ДЛЯ МЕНЯ

В. М.

*Для меня, для других – не знаю,
Когда лаской залита встреча,
Словно в юности ты родная,
Хорошее, природе переча.*

*Я морщинок не замечаю –
Жизни нашей тревожный след.
Без тебя я очень скучаю,
А с тобой мне семнадцать лет.*

НЕ ГРУСТИ

*Снова праздник Восьмое марта,
И ты снова грустишь одна.
Посмотри: тебе скажет карта,
Где качает меня волна.*

*В лицо айсберги дышат холодом,
Под килем судна – Датский пролив.
Где-то ты, где-то милый дом,
Где-то ласковый Кольский залив.*

*Я грущу и скучаю тоже.
Наша жизнь и любовь – не легка:
Ведь не каждая женщина может
Долго ждать и любить моряка.*

*Не грусти и жди – это главное.
И не хмурь непокорную бровь.
Я тебе привезу из плавания
Нерастроченную любовь.*

* * *

*Пишешь: очень грустно порою.
Заштормит море – сердцу тревожно.
Прогуляйся пойдя с детворой,
Не поможет – грусти, это можно.
Мне легко тебя, Валя, понять,
Я и сам чуть не каждый вечер
С тихой грустью люблю вспоминать
Наши первые тихие встречи.*

*Говорю с тобой, спорю, ласкаю..
И как не было двух тысяч миль.
Всех всему учит жизнь морская.
Не волнуйся, на море штиль.*

* * *

Лариса пропадала трое суток. Валя должна была бы волноваться, но она отдыхала от нее. Она чувствовала, что с дочерью все в порядке. «Плохие вести быстро доходят. Раз никто не звонит, значит, все хорошо. Как я устала от ссор».

Она вспомнила, как после очередной ссоры шла по городу в темных очках. Под глазом красовался огромный синяк, который Валя получила, ударившись о косяк, после как Саша ее толкнул. На остановке стояла красивая женщина с изящной фигурой. Валя сразу узнала в ней первую любовь Саши, Маргариту. Ее фотографии она видела у мужа, хотя он и спрятал их среди почетных грамот. Не раздумывая, Валентина подошла к ней.

– Здравствуйте! Вы Маргарита, верно?

Женщина удивилась, посмотрела на нее.

– Да, – протянула она, – а в чем дело? Я вас не узнаю...

– Да, в общем-то, ни в чем. Я жена Александра Макарина. – Валентина сняла очки и с вызовом посмотрела на Маргариту. – Вы правильно сделали, что не вышли за него замуж.

Маргарита ошеломленно посмотрела на Валентину, отметив взглядом ее синяк.

– Вы обознались. Я не знаю никакого Александра Макарина. В первый раз слышу это имя...

– А врать нехорошо!

Валентина быстро надела очки и ушла.

Саша должен был вернуться домой через две недели. «За эти две недели нужно вернуть Лариску», – подумала Валя.

Вечером она спросила Свету, где может быть ее сестра. Света обняла мать и сказала:

– Не волнуйся, Лариска не пропадет. Отдохни лучше без нее. Наверняка у какого-нибудь парня.

Валя прошептала:

– Если она попадет в дурную историю, папа меня убьет.

Света ухмыльнулась:

– Не убьет, сделает все, чтобы на его работе это не отразилось. Не переживай, мамочка!

Она еще раз обняла Валу и сказала:

– Как мне с тобой хорошо. И нам никто не нужен. Ты у меня такая красивая и талантливая! Как бы я хотела быть на тебя похожа.

Валя пришла к себе дочь и тихо сказала:

– Ты гораздо лучше меня!

В дверь позвонили. Это была Лариса. Выглядела она помятой, и от нее несло перегаром. Не проронив ни слова, она прошла в свою комнату и стала собирать вещи. Валя ворвалась к ней.

– Ты где была? Ты что себе позволяешь?

– Где надо, там и была! – буркнула Лариса.

– Куда ты собралась? Шлюха подвальная! Кого я родила?! Иди сейчас же прими ванну! Ты на кого похожа?

– Как на кого? На отца! Забыла?

– Ты еще и дерзишь!

Валя выхватила у нее из рук чемодан. Лариса сорвала покрывало с кровати, расстелила его на полу, стала бросать оставшиеся вещи.

– Что ты делаешь, ненормальная? – закричала Валя.

– Узелок собираю. На войну ухожу.

Валя швырнула ей чемодан и вышла из комнаты.

Света на кухне пила чай и делала вид, что ничего не слышит. Валя села рядом и посмотрела на дочь.

Жуя сушку, Света спросила:

– Что там случилось?

– Лариска собирает чемодан.

– А куда она пойдет?

– Пусть идет куда хочет. Мне все равно. Скорее бы папа приехал...

* * *

Лариса хорошо устроилась в общежитии у подруги Лены, приехавшей из Иванова на поиски мужа. Общежитие находилось на улице Шмидта, бывшей улице Военных моряков, на месте разрушенных казарм для флотских экипажей.

Город встретил Лену темной полярной ночью и жутким холодом, пронизывающим до костей. Мужчин действительно было много, но подходящих практически не было: одни пьющие да женатые. Лена поступила в училище парикмахеров, где предоставлялось общежитие. Там они с Ларисой и по-

знакомились. Лариса пришла к ней с чемоданом как раз тогда, когда соседка Лены уехала к родителям в Рязань.

– Живи, – сказала Лена, – сколько хочешь. Зинка на месяц уехала.

– Спасибо, – с благодарностью ответила Лариса и выставила бутылку портвейна на стол. – Давай выпьем!

Лена улыбнулась и достала из шкафчика граненые стаканы.

– Наливай. И чувствуешь себя как дома.

Вечером девушки пошли на дискотеку в Дом культуры моряков. Он располагался в самой красивой части города. Величественное здание нежно-голубого цвета было построено в сороковых годах, еще до войны. Деревянные филантовые двери с историческим рисунком придавали ему вид дворца. Перед ним стояла скульптура белой медведицы. Лариса придумала традицию: чтобы вечер удался, нужно потереть лапу белой медведицы и улыбнуться. «Интересно, сколько ты знаешь тайн», – спрашивала она каждый раз медведицу, заходя в клуб.

В модной короткой юбке и в цветастой кофте Лариса чувствовала себя уверенно на танцах. Лена была одета скромнее, в платье из ивановского трикотажа. Она смотрела на подругу и думала: «Лариса коренная мурманчанка, видно, что из хорошей семьи, красиво двигается, наверняка занималась танцами, и пришла ко мне в общагу. Странно. И чего ей не хватает?»

От размышлений ее отвлек молодой человек невысокого роста, одетый просто и безвкусно, с крупной головой и глазами цвета спелого каштана.

– Петр, – представился он и пригласил Лену на танец.

Она смущенно протянула руку.

– Очень приятно, Лена, – ответила она и пошла с ним в центр зала.

Там Лариса уже всю танцевала со стройным высоким кудрявым брюнетом. Он был хороший танцор, и они прекрасно смотрелись вместе. Держался уверенно и чуть надменно, элегантно поправляя свою прическу. Одет был по последней моде. После танцев Лариса шепнула Лене:

– Ты меня сегодня не жди. Я у Володи останусь.

Лена сильно удивилась. Она схватила Ларису за руку и прошептала:

– Вы же только познакомились!

– Плевать, – сказала Лариса и чмокнула подругу в щеку.

– Ну ты даешь. – Лена то ли восхитилась, то ли осудила подругу. – Смелая ты!

Но не стала анализировать и помахала Ларисе рукой, когда та с видом королевы спустилась по ступенькам Дома культуры под руку с Володей.

Володя был из семьи потомственных моряков, успешно оканчивал высшую мореходку и готовился к первому плаванью на судне «Иван Стрельцов». Ему очень понравилась Лариса. Она была как будто из другого мира: свободная, без всяких ужимок и условностей. Володя разбудил в Ларисе такую страсть, что она вмиг забыла своего гитариста. Он был неистощим, любовные игры настолько нравились Ларисе, что на все его пожелания она всегда отвечала согласием. После бурных ласк, свернувшись калачиком, прижавшись к нему и вдыхая его запах, она быстро засыпала.

Было очевидно, что эти двое нашли друг друга. Все свободное время они проводили на танцах или в постели. Лариса начала потихоньку отогреваться рядом с ним, пока однажды он не сказал ей:

- Ларис, если мы будем так часто ходить на танцы, я не смогу закончить мореходку. Мне нужно учиться. И тебе бы тоже не мешало задуматься о поступлении в техникум. Ты же не можешь всю жизнь стричь головы и танцевать. У человека должны быть цели в жизни, а не одни удовольствия.
- А, значит, у меня целей, по-твоему, нет? Все, что меня интересует, – это постель и танцы, так получается? Ну что же, если тебе не нравится, можешь и не ходить со мной на танцы, и все остальное тоже можешь не делать. Я не настаиваю.

Лариса не стала дожидаться ответа, развернулась и ушла. А Володя не стал догонять.

Вернувшись в общежитие, она застала Лену одну. Та писала письмо матери, в котором подробно рассказывала о Пете. Лариса спросила у Лены:

- А у тебя что-нибудь с Петей было?
- Нет, – ответила она и покраснела.
- А зачем ты тогда про него матери рассказываешь?
- А как же? У меня секретов от мамы нет.

Лариса ухмыльнулась.

- А если переспышь, тоже в письме напишешь или телеграмму дашь?
- Злая ты, Лариса. Я до свадьбы не пересплю!
- Ну ты прям как монашка. Так тоже нельзя. Хочешь старой девой остаться? А вдруг он тебе не понравится?
- Все мне понравится. Я замуж хочу, и чтобы все у меня было по-человечески.
- Сходи ко мне домой, там все по-человечески. Скатерти, фарфор, застолье по праздникам, и при этом все друг друга ненавидят. А с виду

семья – глаз не оторвать. – Лариса закурила. – Папаша в центре города висит на доске почета. Сестра шляется по мужикам, а дома рассказывает, что с репетиторами занимается. Мать с ума сошла с этой уборкой: все драит, успокоиться не может. Зачем тебе семья?

- Ну не у всех же так. Бывают же хорошие семьи.
- Бывают, наверное.

В дверь постучали. На пороге стояла Валя. Безупречно одетая: в белом брючном костюме, с модной сумкой на плече. Лариса потушила сигарету и разогнала дым рукой. Валя, увидев дочь, нахмурилась.

- Ты еще и куришь!
- Лена тактично вышла из комнаты.
- Здравствуйте! Вы проходите, – сказала она. – Мне все равно пора.
- Добрый день, деточка! Спасибо. – И Валя перешагнула порог. – Ну здравствуй, Лариса! Слава богу, я тебя нашла! Скоро папа с моря приходит, а тебя дома нет.

- Кто тебе сказал, где я?
- Сорока на хвосте принесла. Собирайся домой! Еще и курить начала. Куда ты катишься... У тебя же есть дом, что ты по общагам шляешься?

В этот момент Лариса поняла, что у нее больше нет убежища. Где появляется Валя, там появляется зло.

- Иди домой, – сказала она матери. – Я вернусь к приезду отца.
- Хорошо. Он возвращается через неделю. Надеюсь, мне не придется краснеть, когда он тебя увидит, – сказала мать и вышла из комнаты.

Саша вернулся из плавания загорелый и с кучей подарков. Дома накрыли стол, он много рассказывал жене и детям о Перу, об индейцах, показал кожаные мокасины, уточнил, что это ручная работа местных жителей из народа агуаруна. Потом началось вручение подарков. Вале перепала светлая дубленка, сшитая на заказ. Она примерила обновку и тут же поняла, что у Саши была баба с большими сиськами. «Вытачки на пятый размер груди, не меньше», – она ухмыльнулась, сняла подарок и протянула мужу.

- Отдай той, кому ты ее сшил.

Саша принял оскорбленный вид. Он уже выпил к этому времени и слова Вали воспринял довольно спокойно, просто в очередной раз подумал, что у его жены звериная интуиция. Он действительно ходил на рынок в Перу с Зиной, буфетчицей и любовницей его и капитана. Старый мексиканец спросил, для кого Саша шьет дубленку, он ответил, что для жены. И по всей видимости, тот подумал, что его жена Зина. Через неделю он забрал дубленку у старого мастера.

Валя посмотрела на мужа и со слезами на глазах сказала:

– Я не буду ее носить. Здесь выточки на пятый размер груди. Ты хочешь, чтобы, когда я ее надевала, то представляла, как ты со своими буфетчицами развлекаешься?

Саша театрально поднял руки вверх.

– Валя, что ты такое говоришь! Здесь же дети!

– Вот и хорошо. Пусть узнают, какой у них отец!

Саша тяжело вздохнул, подошел к столу, сервированному, как в ресторане, налил себе водки из хрустального графина.

– Знаешь, что, Валя, дети вырастут и разберутся. Давайте сядем за стол. Возьми гитару, Валюш, спой нам. Я так скучал по твоему голосу. Так мечтал вернуться на берег, сесть вот так, в кругу семьи и послушать, как ты поешь!

– Лгун! Врать ты научился так, что хочется тебе верить!

– Валечка, если бы ты знала, как я люблю тебя!

Валя достала гитару из чехла, отодвинула стул и запела.

Мы расстаемся, чтоб встретиться вновь,

Ведь остается на свете любовь.

Кружится, кружится, белый листок,

Кружится в памяти старый вальсок,

Юности нашей, юности нашей вальсок.

Саша ей подпевал. Света ластилась к отцу и тоже подпевала. Лариса молча смотрела на них.

Ночью девочки засыпали под характерные звуки софы и шепот матери: «Саша, тише!»

Ларисе и Свете всегда было неловко в такие моменты, и они старались делать вид, что ничего не слышат.

Утром Саша спросил у Вали, как они жили все это время без него.

– Лариска из дома ушла, по общагам шляется. Учебу в бухгалтерской школе бросила. Парикмахером устроилась. Ну и пьет, и курит. Вся в тебя.

Саша заходил по комнате.

– А ты куда смотрела?

– А что я? Что я могу поделывать? Я ничего не могу поделывать с тех пор, как ты залез на меня. А потом ты в море, а я с детьми остаюсь. Жизни у меня нет. Я света белого не вижу с этой Лариской.

Саша отвернулся от жены, помолчал, а потом проговорил, будто гвозди в стену забивая:

– Не любишь ты ее. И меня не любишь. Никак не могу понять, что я тебе такого сделал, что ты вечно всем недовольна. Валя, ты же жизни не знаешь. У тебя все есть. Я стараюсь изо всех сил, чтобы

ты не знала никаких лишений. А ты, как прорва, сколько тебе ни дай, все мало. Тебе вечно все не так. На Лариске срываешься! – Саша заходил по комнате. – Ты оглянись, посмотри, как ты живешь! Ты думаешь, у всех так?

– А что ты меня своими деньгами постоянно попрекаешь! Я живу как в плену! Ты думаешь, я мечтала всю жизнь так жить? Да ты хоть знаешь, как мне виделась моя жизнь? Я хотела закончить музыкальное училище, потом поступить в консерваторию. Жизнь свою музыке посвятить, а не тебе и детям! Что мне твои подачки?

– Я-то тут при чем? В Мурманске есть музыкальное училище, ты спокойно могла бы продолжить обучение, если бы захотела...

Валя швырнула на стол газеты, которые аккуратно стопкой складывала на столе по датам.

– Ты при чем? Кто мне говорил, что все музыкантши – женщины легкого поведения?

Саша развел руками.

– Валя, ну когда это было? Ты могла бы сказать мне о своем желании. Я бы тебе пианино купил!

– Ах, какие мы щедрые! С чего бы это? Баба в Перу ошастливила? Пианино он бы мне купил – надеюсь, с клавишами из слоновой кости? Экономить бы не стали? – Валя сбросила стопку газет на пол. – Сделал мне большого ребенка, а потом про пианино заговорил!

– Да почему же большого?

– Ну не большого, а распушенного, такого же, как и ты... Еще и деньгами смеешь меня попрекать...

– Кстати, чеки я в бар положил.

– Молодец! – сказала Валя и вышла из комнаты.

На следующий день Саша предложил Ларисе прогуляться.

– Не хочу я никуда идти. Со Светочкой своей гуляйте, а меня в покое оставьте.

– Хорошо, гулять мы не пойдем. Сядь, мне нужно с тобой поговорить серьезно.

– Ну, начинается. Меня уже поздно воспитывать.

– Лара, ты понимаешь, что ты делаешь?

– Я все понимаю!

– Видимо, нет. Ты можешь своим поведением нам навредить. Ты что, хочешь по рукам пойти, чтобы каждый мог сказать, что дочь старшего механика Макарина шлюха? Ты почему учебу бросила, почему решила стать обслуживающим персоналом?

– Это моя жизнь! Че хочу, то и делаю, понятно?

Саша смачно влепил ей пощечину.

– Дрянь...

– Еще раз дотронешься до меня, я в море буфетчицей устроюсь. Понял? И тогда стану самой

прославленной шлюхой Мурманского порта! У вас там нет доски почета для них?

Все это она уже говорила на ходу, натягивая куртку. Потом хлопнула дверью.

В общежитии вахтерша протянула ей ключ.

– А Ленки нет, она на три дня в Североморск уехала. Ей подружка пропуск выписала.

– Спасибо, тетя Мань, – сказала Лариса и взяла ключ. Вечером к ней постучал Петя.

– Ленки нет, – сказала она ему и хотела закрыть дверь.

– Жаль. А я не знал. – Петя улыбнулся и показал Ларисе бутылку шампанского.

– Хотел отметить сдачу зачета. Впустишь?

– Да заходи, мне-то что.

Петя зашел в комнату, поставил бутылку на стол.

– Лар, выпей со мной. Такой зачет был сложный!

– Давай!

– А надолго Ленка уехала?

– На три дня вроде. Скучаешь?

– А то. Хотя в последнюю неделю не до скуки было. У нас профессор такой требовательный. Не спишь, все учить пришлось! Но, к счастью, я все сдал!

– Молодец. – Она подняла бокал. – За тебя, Петя! Будешь настоящим моряком! Откуда ты к нам приехал?

– С Брянска! Вернее, с Брянской области.

– У нас говорят «из», но это неважно!

– Да я все время путаю. У нас в деревне знаешь как разговаривают?

– Не знаю, Петя! Ни разу не была. Я вообще не знаю, что такое деревня!

– Эх, многое ты потеряла! Речка, рыбалка, сеновал, молоко парное по утрам!

– Какая гадость! А зачем ты в Мурманск подался, водоем местный не устраивал?

– Я хотел из дома сбежать. У меня отец очень строгий. Однажды убил собаку на моих глазах и сказал, что если учиться не буду, то со мной то же самое сделает. Я сколько с ним жил, столько и мечтал подалее уехать.

– Помогло?

– Еще бы! Больше всего боюсь вернуться назад.

– А почему они у тебя такие добрые?

– Они дети репрессированных, оба в детском доме выросли. Может, поэтому, я не знаю.

– Я тебя понимаю, мои не репрессированные, но сбежать от них тоже хочется. Вот у Ленки и ошибаюсь. Давай лучше еще выпьем.

Когда они допили шампанское, Лариса посмотрела на прическу Пети и спросила:

– А что тебя Ленка не подстрижет? Прическа – как будто ты из деревни только вчера приехал. Давай-ка тебя в порядок приведем. Жених ты или нет?

– Ну какой я жених, – засмутился Петя, снимая рубашку.

Лариса достала ножницы и приподняла ему волосы.

– Какие у тебя приятные руки, – сказал Петя и поцеловал их.

Утром они проснулись в одной постели.

– Прости, – прошептал он, вытягивая руку из-под головы Ларисы.

– Да уж, нелепо получилось. Но ты не расстраивайся.

– Лариса, если ты забеременеешь, я женюсь...

– Да ты герой, Петя! Беги в свою мореходку, а то опоздаешь. И пожалуйста, можешь как-нибудь выйти из общежития, чтобы тебя вахтерша не заметила... Перед Ленкой неудобно будет...

– Не переживай! Я из окна туалета спрыгну.

– Ты аккуратней! Не сломай себе ничего!

Петя поцеловал Ларису и, убедившись, что никого нет, прошмыгнул в туалет.

Когда вернулась Лена, Лариса не знала, как рассказать ей о произошедшем. Та приехала с горящими глазами: обняла подругу и затараторила.

– Представляешь, я, кажется, влюбилась. Он штурман. Подводник. Красивый, как античный бог! Такой обходительный, ласковый. Я даже не знала, что такие мужчины есть!

– Поздравляю. Но ведь подводники на год в плавание уходят! – сказала Лариса. – Хотя это неважно: главное, ты счастлива! Тут кое-что произошло, даже не знаю, как сказать. В принципе, это не имеет уже, наверное, никакого значения...

– Это ты про Петьку? Мне вахтерша сказала, что он приходил, когда меня не было, обратно не выходил...

– Значит, ты все знаешь? – Лариса опустила глаза.

– Не знаю, но догадываюсь. Не обижай его, он хороший. Наивный просто.

– Все равно прости меня, не знаю, как так получилось...

* * *

Лариса действительно забеременела. Она хотела сделать аборт и уже записалась в женскую консультацию. Но накануне ей приснился сон – маленькая девочка тянула к ней руки и шептала «Мама, оставь меня». «Меня в этой жизни, – раз-

мышляла Лариса, – все равно никто не любит. И вряд ли уже полюбит. А так хоть ребенок будет: ну и плевать, что не от Володьки. Будет только моим. Я буду его любить, воспитывать и не буду поднимать на него руку. И он никогда меня не оставит». Утром она никуда не пошла. Лариса решила все рассказать Пете.

Они встретились в центре города в кафе «Юность». Кафе располагалось напротив доски почета, где висела фотография ее отца. Лариса заказала себе мороженое. Напротив сидел напряженный Петя.

– Я беременна, – спокойно сказала Лариса, помещивая в креманке растаявшее мороженое.

Петя замер.

– Я так и знал... Что теперь делать?

– Жениться. А что еще делать... Я не пойду на аборт.

– Мне же еще учиться полгода...

– Ну и учись. Не переживай, мы поженимся, я рожу ребенка, и разведемся. Иначе меня родители с говном съедят. Ты же знаешь, кто у меня отец...

– Знаю. Нам его в пример в мореходке постоянно ставят. Я не знаю, что делать... Ты мне определенно нравишься и...

– Так, Петя, без всяких «и». Давай договоримся сразу: я тебя не люблю и вряд ли когда-нибудь полюблю. Ты не в моем вкусе. Но аборт я делать не хочу.

– Что я должен сделать? Я даже не знаю, что говорить в таких случаях, наверное, радуются... ребенок все-таки будет. Наш...

– Петя, Петя, давай без этой лирики.

– Лариса. Я так не могу! Я тебе сказал, если вляпаться – женюсь. Я тебе дал слово, и я его сдержу, но и тебе тогда придется стать моей настоящей женой.

– Ох, и зачем ты тогда приперся в общагу?..

– А я знал, что Ленки не будет. Ты мне понравилась с первой встречи на танцах. Ты такая яркая, свободная. Мне даже не приходило в голову, что мы сразу переспим...

Лариса поморщилась.

– Не вспоминай. Давай лучше подумаем, что нам делать.

– Заявление подавать, что еще делать. Все, что можно было, мы уже сделали...

Лариса сказала матери и отцу, что встретила человека и собирается за него выйти замуж. Саша тяжело вздохнул, когда увидел жениха. Казалось, одна Валя была довольна. Теперь уж она точно будет свободна от непокорной дочери.

Свадьбу сыграли через месяц. Петя был счастлив: его тесть видный в городе человек, и теперь

загранкомандировки ему обеспечены. И жена ему очень нравилась. Он до конца не верил своему счастью. Он, простой деревенский парень, стал зятем самого Макарина.

Валя и Света в нарядах из «Альбатроса» своим видом покорили гостей. Валя сделала себе новую прическу, надела шпильки и обтягивающее платье. Родители Пети чувствовали себя неловко. «Не по себе Петька сук срубил, – размышлял его отец. – Ну и бабу он себе нашел. Та еще вертихвостка. Точно по залету женятся. Ох, дурак, что он с ней делать-то будет. Мать ее на шлюху похожа. И эта такая же будет». «Хорошо хоть, богатые, может, и этого дурака выгодно пристроят», – думала мать Пети и поднимала бокал за здоровье молодых.

В курилке Катя спросила Ларису, зачем она выходит замуж за такую деревенщину. Лариса ответила, что по залету, и добавила, что аборт сделать ей не хватило мужества.

– Я рожу и сразу с ним разведусь. Скоро он в море уходит. Папаня его на хорошее судно пристроил. – Но тебе-то от этого легче не станет. Зачем он тебе нужен? Ты могла бы сама ребенка воспитать.

– Иди скажи это моему отцу.

Катя обняла подругу.

– Я уверена, что все у тебя еще будет хорошо.

– Надеюсь.

После свадьбы молодые отправились на Брянщину. У родителей Пети было большое хозяйство – свиньи, куры, индюки, цыплята. Свекровь каждое утро без стука входила в комнату молодых и громко командовала, уперев руки в бока.

– Вставайте! Вы что, сюда отдыхать приехали? Свиней надо кормить! Ты зачем женился, лоботряс? Она делать ничего не умеет и не хочет!

– Мам, мы встаем, выйди. Дай одеться!

– Что это ты мать из своей же комнаты гонишь? Что я там не видела? У Лариски твоей кожа да кости.

Лариса молча отворачивалась от свекрови и накрывала голову одеялом. Петя вскакивал и, натягивая на ходу брюки, корил молодую жену.

– Ну че ты, правда, разлеглась. Вставай уже. Здесь принято работать.

Лариса вяло огрызалась.

– Может, ты забыл, что я беременна? По твоей милости, между прочим.

– Слушай, хватит мне об этом напоминать. Вдвоем виноваты.

– Если бы ты не приперся в тот день, сейчас бы не надо было никаких свиней кормить. Я вообще первый раз в таких условиях живу.

- Лариса, я не скрывал от тебя, что я из деревни. Ты все знала! И ты мне предложила пожениться, ты же аборт не хотела делать.
- Да ничего я не знала! Я и представить не могла, что испорчу так себе жизнь...
- Не волнуйся, через две недели мы вернемся в Мурманск. Я родителей год не видел!
- Ну так иди к ним! Я-то здесь при чем? И передай своей матери: еще раз она зайдет сюда без стука, соберу вещи и уеду, а ты оставайся, свиной корми.

Через две недели Лариса и Петя улетели в Мурманск. Ларисе пришлось уйти из парикмахерской. Саша не мог допустить, чтобы дочь там работала при его видном положении. Он начал щедро помогать деньгами и даже тайком от Вали приносил ей чеки. Молодым сняли квартиру в центре города. Лариса на время успокоилась, старалась привыкнуть к мужу, но он все равно ее раздражал. Она ждала одного: когда он уйдет в рейс.

Однажды, возвращаясь от Кати, она столкнулась на остановке с Володей. Он, как всегда, выглядел безупречно. У нее уже выпирал живот. Он увидел Ларису и замер.

- Поздравляю, – сказал он. – Я слышал, ты замуж за Петра вышла.
- Да, – с вызовом ответила Лариса.
- Ну что же ты наделала. Зачем? Я же просил тебя дать мне время, мне нужно было доучиться.
- Доучился? – спросила Лариса. – Молодец, учись дальше.

Она хотела пройти мимо него, но он схватил ее за запястье:

- Лариса... Я же любил тебя. И до сих...
- Лариса вырвала руку и сказала:
- А если любил, то не бросил бы. Ты даже не пытался меня найти!
- Я звонил, но твоя мать сказала, что ты у мужчины живешь какого-то...
- А ты поверил. Молодец!

Лариса вошла в подошедший троллейбус, стараясь не смотреть на Володю. У нее тряслись руки. Она с отчаянием поняла, что до сих пор любит его.

Чтобы унять волнение, Лариса решила зайти в «Альбатрос». На входе она показала удостоверение, которое дал отец, и прошла в мужской отдел: целый мир для красивых, элегантных мужчин. Лариса перебирала фирменные костюмы, кардиганы из кашемира и льняные рубашки, пытаясь представить в них Петю. Но что бы она ни держала в руках, все ей казалось неподходящим для ее мужа – деревенского коренастого парня среднего роста. «Ему

идут только роба и фуфайка. Как можно было такого родить, ему даже за чеки ничего выбрать нельзя», – сокрушалась Лариса.

Тут она увидела красивый желтый джемпер и синие брюки. «Это, наверное, ему подойдет», – решила она и пошла в кассу.

Глядя на детские фотографии мужа, Лариса думала: как этот несимпатичный мальчик в коротких штанах и стоптанных ботинках мог стать ее мужем? Ей вообще все это казалось сном. Какой-то муж, ребенок в ее животе, деревенские родственники, куры, свиньи. Это не может быть правдой. Ей совершенно не нравился ее муж. Но иногда ей казалось, что если его красиво нарядить, подстричь и не погружаться в его небогатый внутренний мир, возможно, он и сойдет для семейной жизни. Лариса модно его стригла, следила за его речью, в гостях советовала ему больше молчать. Мать в гости приходила редко.

После отъезда Ларисы в съемную квартиру Валя переклеила обои в их со Светой комнате и выкинула ее кровать. Светочке был куплен удобный гобеленовый диван. Саша снова уходил в море и не мог скрыть свою радость. Валя радовалась вместе с ним. Теперь у нее будет такая жизнь, о которой она мечтала. Она останется одна в своей уютной квартире с любимой дочерью и с деньгами мужа. Можно наконец-то вздохнуть и начать жить спокойно.

Саша сдержал слово и устроил Петю на хорошее судно. Петр должен был успеть вернуться в Мурманск к родам жены.

Саша прекрасно понимал, что Лариса не любит Петра, он подсознательно испытывал чувство вины за то, что все у нее так нескладно сложилось. Он гнал мысль, что всю жизнь позволял жене издеваться над дочерью, хотя, конечно, у той характер был непростой, слишком независимый. Казачья кровь в ней чувствовалась сильно.

А Валя и Света были одного поля ягоды. Две приспособленки, любящие деньги и самих себя. Если бы он не был членом партии, давно бы развелся, все ей оставив, и больше не вспоминал. Но этого он позволить себе не мог. Единственной отрадой были море и Южная Америка. Суда, которые он ремонтировал, стояли в порту города Лимы. Там все было по-другому, была постоянная женщина, ласковая и нетребовательная. Но об этом никому нельзя было рассказывать. Его устраивала эта двойная жизнь.

Петю он пристроил к своему другу-капитану по имени Василий Семенович и попросил научить парня жизни. Тот пообещал сделать все от него зависящее. Он-то и преподал Пете первые уроки на-

стоящего моряка. Замполит, призванный служить оплотом нравственного и политического воспитания молодежи, был другом Василия Семеновича. Так у Пети появилось сразу два наставника.

Замполит Юрий Михайлович обладал магической способностью очаровывать женщин. Он был тактичен и внимателен ко всем особам женского пола, каждая рядом с ним была уверена, что только она ему нравится и только к ней он испытывает сильные чувства. Для него это была игра, которая со временем превратилась в образ жизни. На любовном фронте Юрий Михайлович не знал поражений. Даже Валя, увидев его однажды, когда он принес посылку от Саши, сразу предложила ему выпить чаю. Дети были в лагере. Юрий Михайлович посмотрел на Валю своим отработанным взглядом и снял ботинки. Слово за слово, и замполит с женой старшего механика неожиданно для себя стали любовниками. На прощание Валя сказала ему:

– Ты заходи, не забывай!

Юрий Михайлович поцеловал руку Вале.

– Как я могу забыть, что испытал впервые...

Он хотел продолжить, но Валя закрыла ему рот рукой.

– Не надо, Юра, у меня такой же муж. Не зря вы дружите. Только любовник ты получше. Тот пообтрепался уже. Нет того запала.

Юрий Михайлович еще несколько раз навещал Валю, пока дети и Саша были в отъезде, а потом встречи прекратились так же внезапно, как и начались.

На общие застолья Юрий Михайлович приходил с женой, и Валя с ней мило болтала о детях и о трудной судьбе жены моряка. Саша однажды увидел, как за общим столом Юрий Михайлович положил ладонь на колено Вали, но ничего не сказал. А вечером спросил у жены:

– У тебя что-то с Юркой было?

– С чего ты взял? – спокойно спросила Валя.

– Я видел, как он твои колени трогал.

– Все твои друзья трогают мои колени, странно, что ты раньше этого не замечал.

– Валя, что такое говоришь?

– А что ты такое спрашиваешь? – парировала Валя, и на этом разговор закончился.

* * *

В первом рейсе Петр проявил себя как человек, который не боится работы. Он все время проводил в машинном отделении, набираясь опыта от других механиков. Старший капитанский состав был им доволен.

Петр узнал о заграниче очень многое. Больше всего его, конечно, поразил стрип-клуб, куда двое старших товарищей привели его на стриптиз. Красивая высокая негритянка с ровными зубами и короткой стрижкой посмотрела на обалдевшего Петра, обворожительно улыбнулась, взяла его за руку и скрылась с ним в одной из комнат. Капитан и замполит улыбнулись.

* * *

Петя успел вернуться домой как раз к родам жены. Лариса родила легко, без осложнений. Дочку назвала Женей. Петя был не против. Он привез много подарков Ларисе и ребенку.

Отцом он оказался хорошим. По ночам вставал к дочери, носил ее на руках, пока она не засыпала, поил укропной водой. «Я бы без него сошла с ума, – думала Лариса. – Все-таки с ним спокойно и можно поспать». Она проваливалась в сон при первой же возможности. Петр научился менять подгузники и кормить дочь сцеженным молоком. И все-таки он не подходил Ларисе. Наверняка какая-нибудь другая женщина оценила бы его по достоинству, но только не она. И еще ей не нравилось, как пахнет муж. Она давно решила, что спать они будут в разных кроватях. Муж спал с открытым ртом и храпел. Если он все-таки засыпал в ее кровати, она толкала его локтем и говорила коротко: «Не храпи». Петя извинялся, закрывал рот и переворачивался на другой бок. Ларисе казалось, что огромная плита накрывает ее полностью, и у нее нет сил пошевелиться.

Через два месяца устроили смотрины. Валя позвала гостей, те пришли с подарками. Саша привез из Америки коляску. Он обнял зятя и сказал, что уверен, что из Петра получится хороший муж и отец. Валя уже выпила и заметила, не стесняясь гостей:

– Главное, чтобы таким хорошим, как ты, не был...

– Да, я согласен, Валечка, детей я проплавал! Но, надеюсь, что Петр не так часто будет ходить в море, как я!

– Да ты бы там и жил, была б твоя воля!

Подруга Вали Юля попросила Сашу прочесть стихи. Саша встал, налил водку в стопку и начал декламировать. Гости притихли.

*Меня спрашивают зачастую,
Почему столько грусти в глазах?
Что ж, послушайте быть простую
И поймите, что не досказал.*

*Это было в далекой юности.
Беззаботно я жил, как и все.
Но однажды в осенней туманности
Моя юность ушла насовсем.*

*Оболали меня жестоко,
Прямо с парты под взгляды друзей
Провели мимо школьных окон,
И посажен я был в КПЗ.*

*Унеслись сразу в прошлые годы
Все ребячество, баловство,
Покатились по небу звезды,
Закачались деревья с листвой...*

*Ты сильна, моя честная Родина,
Тем, что, пусть убегают года,
Что, казалось, забыто, пройдено,
Правда восторжествует всегда!*

*Клеветник был наказан по строгости.
А меня подбодрили: «Крепись!»
Я прошел эту школу суровости,
Я узнал, что такое жизнь.*

*И когда под дымок папиросный
Говорят про родительский дом,
Почему-то становится грустно,
Даже пасмурно как-то кругом.*

*Вспоминаю некрытые сени я,
Резкий ветер дождливого дня.
Вот поэтому грусть осенняя
Улеглась на глазах у меня.*

Петя с интересом посмотрел на свекра. Кто-то из гостей захолопал. Юля, раз в десятый слышавшая это стихотворение, сделала вид, что слышит его впервые. Она встала и произнесла тост.

- Я хочу выпить за правду. Надо быть очень смелым человеком, чтобы не бояться рассказывать о себе не очень симпатичные вещи. Ты такой талантливый, Саша! И ты, Валя, тоже! У вас такая прекрасная семья. А теперь еще и внучка появилась. Будет теперь тебе, Саша, кому стихи свои читать! Юля подняла бокал.
- За поэзию и за вас! За вашу семью и маленькую Женю!

Когда гости разошлись, Валя на кухне мыла посуду. Саша пил коньяк и с нежностью смотрел на жену. Он позвонил ей, притянул к себе и посадил на колени.

- Родная моя, – сказал он, – как я скучал! Я каждый день думал о тебе! Вспоминал, как мы с тобой в первый раз оказались вдвоем. Помнишь? Я нес на тебя руках два километра.
- Самое большее – триста метров, – заметила Валя и улыбнулась.
- Ночь была черничного цвета, и трава была мокрой...
- А ты был очень настойчивым.
- Но ты не поддавалась, а твои губы до сих пор пахнут парным молоком... – Саша крепко поцеловал ее.

* * *

Валентина решила устроиться на работу в архивный отдел порта. Саша не стал перечить, он позвонил своему другу, и ее взяли на должность архивариуса.

Для Вали работа была праздником. Она наряжалась каждое утро как на подиум. Ей нравилось идти по улице и замечать на себе заинтересованные взгляды мужчин. «А я еще ничего», – думала Валя и улыбалась самой себе. На работе она тоже пребывала в хорошем настроении. Ее природная аккуратность пригодилась в архивном деле. На людях она вела себя безупречно: ангел, да и только. Одна Лариса знала, что кроется за ее любезностью и вечной улыбкой.

Если бы кто-нибудь спросил Валентину, за что она так не любит свою дочь, она, наверное, сразу бы и не ответила. Ведь все у нее, казалось, было нормально. Она жила в хорошем городе, ее окружали прекрасные люди, ей был послан муж, который много зарабатывает.

Но она помнила другую жизнь и скучала по ней. Там, где она была девчонкой, где у нее было много сестер и мама рядом. Ей нравилась ее жизнь... пока она не встретила Сашу.

Детство и юность Вали прошли в Казахстане, в Алма-Ате. Она очень любила музыку. У нее рано обнаружили абсолютный слух, и она обожала аккордеон, потому что на нем любил играть отец. Валя отчетливо помнила, как ее папа, устроившись на табуретке, брал в руки инструмент и, забыв обо всем, играл дорогие ему мелодии. Аккордеон был трофейный: отец привез его после войны из Германии. Об истории инструмента он умалчивал.

Отец умер внезапно, когда ему было 50 лет. Он возвращался с рыбалки, выпил и уснул в снегу. Мать продала аккордеон, чтобы было на что похоронить отца. Валя все это плохо помнила, в памяти только и остались протяжные стоны плакальщиц.

Когда Вале исполнилось семнадцать, она поступила в музыкальное училище и продолжала заниматься легкой атлетикой. Ноги у нее были сильные и красивые. Выступала Валя не только за честь города, но и за честь области, что было очень почетно.

Летом после очередных соревнований ее наградили кубком и денежной премией. В училище начались каникулы.

Ее сестра Зоя к этому времени превратилась в красивую девушку с большой грудью и узкой талией. Она все время пила касторку, чтобы талию можно было обхватить руками. Зоя знала толк не только в народных средствах для похудения, но и в мужчинах. Она и предупредила Валу, что если на танцах подойдет к ней красивый парень в «бабочке», с ним нужно быть осторожной, он уже «многих девок испортил».

Красивый парень в «бабочке» по имени Саша сразу подошел к Вале. Она не смогла отвести от него взгляд. «Все зависит от женщины», – подумала она и пошла с ним танцевать. А через две недели она отдалась ему на скрипучей кровати в маленькой комнатке, закрытой на ржавый крючок.

Саша был моряком, он надолго уходил в море и мечтал быть у Вали первым и единственным. Так, по крайней мере, он ей объяснил. Через месяц она узнала, что ждет ребенка. Сначала она хотела сделать аборт, но сталинский указ запрещал аборт. Потом решила броситься с моста, но передумала. В итоге, набравшись смелости, рассказала все своей маме.

Та пошла к матери Саши и потребовала, чтобы ее сын женился на Вале, если не хочет испортить себе жизнь.

Саша приехал на три дня, чтобы расписаться с беременной невестой и снова уйти в море. Валя, нарыдавшись от счастья и от горя, что придется расстаться с родными людьми, купила билет в Мурманск.

Город ей сразу не понравился. Она, конечно, знала про полярную ночь, но не могла себе представить, что солнце может не появляться на горизонте в течение многих и многих дней.

Саша писал редко. В первом письме попросил больше не увлекаться музыкой, потому что считал, что все музыкантши – это женщины недостойного поведения. Деньги на жизнь ей выдавал его старший брат, с женой которого, Ольгой, Валя сблизилась. Оля работала снабженцем в порту. Это была женщина непримечательной внешности, в отличие от ее мужа, Эдуарда, обладающего харизмой. Бесконечными вечерами, которые начинались в два часа дня,

Валя проводила время у Оли, так как больше никого не знала в городе. Ее мучил токсикоз от запаха рыбы, которую очень любил Эдуард. Оля сочувствовала Вале, но сделать ничего не могла, – вся квартира давно пропахла рыбой. Когда Олю охватывала меланхолия – а это было ее обычное состояние, – она делилась с Валей: Саша и Эдуард совсем не те мужчины, за которых нужно выходить замуж. Валя толком и не знала, за кого она вышла и от кого ждет ребенка. Но рассказы Ольги ее пугали. Свои истории про братьев Оля обычно заканчивала одной фразой: «Понимаешь, – говорила она, – они приспособленцы. Вот Эдуард на мне женился, потому что пожрать вкусно любит, а твой на тебе, потому что ты залетела. Ох, чувствую, наплачешься ты от него». Валя уходила от нее всегда в подавленном настроении. На улице был холод, колючий ветер иголками бил в лицо, она шла по незнакомому городу и часто плакала. Рекламные вывески рыбной продукции в магазинах напоминали о токсикозе, и ей казалось, что ее молодая жизнь растворяется в этой бесконечной полярной ночи.

Весной она родила дочь. Рожала трудно, схватки длились три дня. Валя прощалась с жизнью, желая поскорее покончить с ней, а заодно и с этим ребенком, который приносит столько мук и страданий. Она представляла, как бы жила, если бы не этот ребенок. Она бы училась на четвертом курсе, выступала бы на сцене в красивом летящем платье с цветами. А вместо этого корчится от боли в чужом городе и рождает от человека, в которого она даже влюбиться не успела, а уже стала его женой...

Через несколько лет Саша стал известным человеком в Мурманске.

– Валя, – говорил ей муж, – я занимаю высокое положение, и мне обязательно захотят навредить. На работе я безупречен, поэтому бить будут через семью, через тыл. Ты должна быть очень внимательна. Если тебе позвонят и скажут, что меня видели с женщиной в ресторане или еще где-нибудь, не верь! Но знай: звонят враги. Сразу с ними распрощайся. Семья, Валя, – это святое! – подытоживал Саша.

Через полгода у Вали не осталось ни одной подруги.

Потом появились Юля и Геля, они были женами Сашиных друзей. Женщины быстро сблизились и уже не расставались, прекрасно все понимая про своих избранников. Пьющий и гулящий муж – та еще награда. Но их заработки примиряли этих женщин с пороками мужей. И незаметно их жизнь становилась

пустой и неинтересной. Развлекали себя женщины иногда короткими романами.

Лариса видела все это с детства, и ей было омерзительно. Так, однажды придя домой из школы, она увидела, как мать целуется с замполитом – другом отца. Лариса опешила, наблюдая эту картину. Валя была в своей любимой красной кофте. Из юбки выбилась рубашка, волосы были растрепаны. Одной рукой замполит прижимал к себе Валю, держа ее за спину, другой наглаживал туго натянутую юбку в области лобка, словно полировал зеркало. Лариса негромко кашлянула. Валя оторвалась от замполита и проговорила как ни в чем не бывало:

– Ларочка, вынеси мусор!

Лариса схватила ведро с мусором и выбежала из квартиры. Она вернулась не сразу, дав себе отдышаться. Замполита не было, рубашка была аккуратно заправлена, Валя подкрашивала губы. Ларисе было стыдно смотреть матери в глаза. Валя же делала вид, что ничего не произошло. Когда она попыталась спросить у матери, что все это значит, Валя, не моргнув глазом, ответила:

– Тебе показалось. Ты видишь все в дурном свете. Помой лучше посуду, и обратную сторону тарелок лучше мой, – и вышла из кухни.

* * *

Женьке исполнился год, когда Петя снова ушел в море на полгода. Лариса осталась одна с ребенком. Она договорилась с соседкой, женщиной на пенсии, что та будет присматривать за Женей, когда Лариса будет уходить на работу. Она планировала устроиться в порт в архивный отдел, где работала Валя.

Однажды Лариса встретила в магазине Володю. Он стоял в очереди в кассу с красивой девушкой. Девушка смотрела на него влюбленными глазами, то и дело касаясь его рукой. Лариса с интересом наблюдала за ними. Девушка была высокой, стройной, с длинными пшеничными волосами и кукольным лицом. Увидев Ларису, Володя не растерялся.

– Привет, – сказал Володя и, кинув взгляд на спутницу, представил ее. – Это Маша.

– Привет, – сказала Лариса, – очень приятно познакомиться.

– Как у тебя дела?

– Отлично. – Лариса насмешливо посмотрела на него.

– А вы давно знакомы? – Маша исподволь изучала Ларису.

– Давно, года два, – ответил Володя.

В этот момент подошла очередь в кассу, Володя заплатил за шампанское и две пачки сигарет.

– Что отмечаете? Не окончание учебы? – спросила Лариса Машу.

– Нет, – засмеялась Маша, – мы идем к моей подруге на день рождения.

– Это прекрасно! – сказала Лариса и встретилась глазами с Володей.

И в этот момент она вдруг поняла, что скучает по тому времени, когда можно было бегать на танцы и на дни рождения. Ей нравилась свободная жизнь – но Женьку она все равно бы ни на что не променяла.

– Пока, – Маша протянула руку Ларисе, – приятно было познакомиться.

– Пока, – вяло промямила Лариса.

– Завтра в семь возле ДК, – шепнул Володя на ухо Ларисе, пока Маша укладывала шампанское в сумку, и громко сказал: – Пока! Рад был повидаться!

Лариса уже давно не собиралась на свидания с таким волнением. В голове крутились вопросы: зачем она туда идет, чем все это закончится, она же замужем и у нее ребенок. Женя, сидя в подушках, следила за матерью. Бегая по комнате в капроновых колготках, Лариса подошла к дочке и взяла ее на руки.

– Мама скоро придет. Я оставляю тебя с бабушкой Надей, вы погуляете, она расскажет тебе сказку, и мама вернется. Мама только на свидание со своей первой любовью сходит и сразу к тебе. Мама так устала жить без любви, моя звездочка. Женька слушала мать и как будто все понимала.

Лариса очень волновалась, подходя к Дому культуры. Володя ждал ее с тремя гвоздиками. Она подумала, что в других городах с гвоздиками только на кладбище приходят, они хорошо оттеняют траурную одежду, но в Мурманске совсем другая история. Здесь нет цветов, кроме гвоздик, особенно зимой.

Лариса выдохнула и подошла к Володе. Она ругала себя: «Ну на хрена? Ничего из этого хорошего не получится». Володя протянул ей цветы и поцеловал в щеку.

– Привет! Рад, что ты пришла! Я заказал столик в ресторане.

– Привет! Сама не знаю, зачем я это сделала.

– Да ладно, мы же друзья. Пойдем.

Он взял Ларису за руку, и она поняла, что никакие они не друзья. Она уже забыла, как можно испытывать трепет, когда тебя берет за руку любимый мужчина. И конечно же, она помнила бурные ночи с ним.

Сейчас она шла с Володей по городу и ловила себя на мысли, что ей нравится этот город, нравят-

ся полярные и белые ночи, сталинские пятиэтажки в центре, тополя, разросшиеся вдоль улиц. Ей вообще все нравилось, если рядом был Володя. «Почему человек сам отравляет себе жизнь, сам себе создает невыносимые условия?» – мелькнуло в голове, когда они переходили дорогу в неположенном месте. Резко затормозила машина, и водитель, выругавшись в открытое окно, ударил по газам. «С ним я готова умереть прямо сейчас», – подумала Лариса и еще крепче сжала руку Володи.

– Испугалась? Не бойся, я же рядом.

– Угу, – хмыкнула Лариса.

Они зашли в ресторан, где Володя заранее заказал столик. Он ловко сунул красномордому швейцару десятку, и они прошли в зал. Лариса пила шампанское, и ей казалось, что все это происходит не с ней. Она так устала от безрадостной жизни, что решила: будь что будет. Через час она позвонила маме и попросила ее посидеть с Женькой, наврав, что уехала к подруге в Североморск и не может вернуться, так как последний автобус уже ушел. Валя по голосу поняла, что дочь нетрезва.

– Ты что, бросила ребенка и пошла шляться?

Ларисе даже не хотелось оправдываться.

– Я ее с соседкой оставила. Мам, я тебя не так часто прошу побыть с Женей. Но сегодня у меня форс-мажор, пожалуйста, останься с ребенком. Или возьми ее к себе.

– Знаю, какой у тебя форс-мажор, такой же, как и у твоего отца. Зачем ты замуж выходила и дитя рожала? Чтобы по кабакам шляться?! Ты думаешь, я дура, музыку не слышу? Я эти шумы с самой молодости узнаю. Отец твой всю жизнь звонил из кабаков и говорил, что на совещании.

– Мама, просто ответь, выручишь ты меня или нет? Валя тяжело вздохнула.

– Хорошо. Твое счастье, что отец в море. Потом поговорим.

– Спасибо, – сказала Лариса и повесила трубку. Она знала, что мать, конечно, ее выручит, – уж что-то, а ребенка ей можно доверить безоговорочно.

Она появилась у Вали только через три дня. Лариса предусмотрительно не стала отпускать такси. Позвонила в дверь, нервно перебирая пальцами в кармане пальто. Женя, увидев мать, заплакала. Валя молча смотрела, как Лариса тянется к ребенку.

– Ты для начала руки помой, чтобы дитя брать!

– Мам, я тебе потом все объясню. Не могу сейчас, меня такси ждет. Спасибо тебе большое, что выручила!

– Отпусти машину, нам надо поговорить. Все, что происходит, никуда не годится!

– Нет, – сказала Лариса и начала одевать Женьку.

Уже дома, уложив ребенка спать, Лариса перебиравала в памяти эти счастливые три дня, которые мгновенно пролетели. После ресторана они поехали к Володе домой. Он жил один: родители уехали на дачу. Переступив порог, они бросились друг к другу.

– Какая же ты ненасытная, – удовлетворенно проговорил Володя.

– Раньше тебе нравилось, – отдышавшись, ответила Лариса.

– Да мне и сейчас все нравится. – Володя прижал ее к себе.

Роман с Володей вспыхнул с новой силой. Им было очень хорошо вдвоем.

– Я люблю тебя, – говорил Володя, когда они с Ларисой гуляли по улицам, – я не могу тебя обидеть: это то же самое, что себе больно сделать.

– То есть себя ты любишь больше, чем меня?

– Ты не поняла, я тебя люблю так же сильно, как себя. – Он обнял Ларису и поцеловал ее в голову. – Нам нельзя расставаться ни в коем случае. Достаточно было уже одного раза.

– И что ты предлагаешь?

– Я не знаю. Тебе, наверное, нужно уйти от Петра...

– А тебе от Маши?

– Мне надо ей все объяснить. Но это так сложно!

– Сказать ей правду?

– Да. Она ничего плохого мне не сделала, ждала меня с рейса. И тут – здрасте, прости меня, Маша, я люблю чужую жену.

– Тоже вариант. – Лариса съежилась от холода. – Что-то я не хочу сегодня больше гулять, проводи меня до остановки, мне к дочке пора.

– Ты что, обиделась? У нас же нет секретов! Мы же друг другу договорились говорить правду. Не надо обижаться! Мы с тобой одно целое!

– Тогда почему ты до сих пор Маше про нас не рассказал? Может быть, ты и с ней еще встречаешься?

– Ты с ума сошла! Что ты такое говоришь. Какая же ты глупая!

– Я никогда умом не отличалась! Это Маша твоя в институте учится, а нам, парикмахершам, головы бы стричь и на танцы бегать.

– Лариса, ну не начинай! Я не хочу ссориться!

– А никто с тобой и не ссорится, мне домой пора, – буркнула Лариса. – Пока!

Она вскочила в подъехавший автобус. Володя даже не успел опомниться, как Лариса уже махала ему.

А теперь она не находила себе места. Все делала на автомате: занималась ребенком, домом, ходила по магазинам, готовила и чувствовала оглушающую пустоту. Володя не звонил. Через месяц должен был

вернуться Петя из плавания. Лариса твердо решила с ним развестись. Жить с мужем после того, что случилось, она больше не сможет.

Через какое-то время она поняла, что беременна. А Володя все не объявлялся.

Валя пришла к ней в гости и принесла Жене новый костюмчик из «Альбатроса».

- С чего вдруг такая щедрость, мам?
- Ну как же, мы с Женечкой пойдем гулять, она должна прилично выглядеть.
- А, да, забыла, она же сейчас неприлично выглядит!
- Лариса, ну что ты все время меня подначиваешь?
- Да ничего я не подначиваю! Лучше скажи, Светка звонила? Как она там устроилась?
- Плохо. С парнем из Чехословакии встречается. Страшненький такой, она фотографию прислала, ножки коротенькие, ручки маленькие.
- Карлик, что ли?
- Ну почему сразу карлик? Просто не очень симпатичный, но человек хороший! На параллельном курсе учится. Светке подарков столько надарил!
- Так и порадуйся за нее!
- Я и радуюсь, но вдруг он ее в Чехословакию увезет?
- Она что, чемодан, что ее увезти можно?

Ларису внезапно замутило, и она побежала в туалет.

Валя подошла к двери и прислушалась. Не успела Лариса выйти, как Валя прямо спросила ее:

- Ты отравилась или беременна?
- Вытерев губы, Лариса промямлила:
- Лучше бы я отравилась... Беременна.
- Ты с ума сошла! У тебя же муж в море пять с половиной месяцев!
- Я в курсе. Это, как ты понимаешь, не от Пети...
- Лара, – вскрикнула Валя, – что же ты делаешь? Ты хоть понимаешь последствия? От кого хоть, знаешь?
- Конечно, нет, – хмыкнула Лариса.
- В такой ситуации ты еще и хамишь, – тихо сказала Валя
- От Володи... Мам, ты же хотела погулять с Женей? Валя одела ребенка в то, что было под рукой. Ее подарок остался на столе.

Проводив мать с дочкой, Лариса открыла форточку, опустила на стул и закурила. «Как такое могло произойти... – размышляла она. – Мы предохранялись, все было под контролем, и что теперь? Володя наверняка удивится. Петя переживет, а вот отец будет рвать и метать. Мать на аборте будет настаивать». Лариса вздохнула, показалось, что ей

не хватает воздуха. «Курить, наверное, надо бросить», – мимоходом подумала она.

Когда Валя пришла с прогулки, Лариса спала. Сонная, она поплелась к двери и подумала, что сейчас больше всего на свете ей хочется остаться одной. Валя как будто прочла ее мысли.

- Лара, мы обо всем поговорим позже. Давай я заберу Женю на два дня, а ты выписься, сходишь к врачу, узнаешь точно, какой срок, и потом я позвоню знакомому доктору, он все сделает так, что никто ни о чем не догадается.
- Я буду тебе благодарна, если с Женькой посидишь. Мне правда надо отдохнуть. Я устала.
- От чего ты устала? Наделала ты дел, Лариса...
- Мам, давай я дочь покормлю и провожу вас.

Лариса назначила встречу Володе. Они встретились на своем излюбленном месте возле Дома культуры. Лариса выглядела усталой. Серые мешки под глазами невозможно было замазать. Она натянула джинсы и обнаружила, что пуговица уже застегивается с трудом.

Володя был как всегда свеж, красив и элегантен. Он обнял Ларису и прижал к себе.

- Привет! Что за срочное дело?
- Привет, – улыбнулась Лариса. – Мне надо тебе кое-что сказать. Это важно...
- Что-то случилось? Надеюсь, ты не беременна?

Ларисе показалось, что у нее пропал голос и она не может говорить. Она посмотрела под ноги. Начиналась осень, самое красивое и приятное время в Мурманске. Первые две недели сентября – потом начинался холод и ожидание полярной ночи. А в сентябре краснели листья на деревьях, было тепло, и стоял необыкновенный запах.

- А если бы я была беременна, что тогда?
- Не пугай меня, Лариса, я не готов к такой ответственности. Я не хочу никаких детей. Ну разве нам с тобой плохо? – Володя нежно притянул ее к себе. – Я скучал по тебе! И знаешь, что я подумал: у меня через месяц отпуск, поехали на море? Я билеты куплю, смотаемся на недельку, а потом вернемся.
- И что будем делать?
- Ты уйдешь от Пети, начнешь готовиться к поступлению в институт, не могу же я встречаться с чужой женой и женщиной без образования. – Володя улыбнулся и подмигнул Ларисе.

Проходящая мимо девочка с наслаждением ела мороженое. Лариса посмотрела на это мороженое, и тяжелая волна подступила к горлу, ее затоснило. Она отскочила от Володи к огромному дереву, и ее вырвало. Она стояла, опершись о ствол, и ей

хотелось лечь под это дерево и больше не вставать никогда. Володя подошел к ней.

– Ты беременна? – спросил он уже без улыбки.

Лариса молча кивнула в ответ.

– Давно?

– Сам посчитай.

– Значит, у нас есть еще время.

– Ты хочешь, чтобы я сделала аборт?

– А ты хочешь превратиться в тетку без образования с двумя детьми и погрязнуть в быту, потратив на это свои лучшие годы? Я не готов...

– Тебя никто и не просит подготавливаться. Можешь идти к своей Маше шампанское пить...

– Лариса, успокойся, пожалуйста. Тебе нельзя нервничать!

– Это почему же? Завтра на аборт запишемся, вычистим меня, как засорившуюся трубу, потом на самолет и в Гагры! Так ты себе это представляешь? Володя протянул Ларисе платок.

– Вытри губы, они испачканы.

Лариса провела платком по губам и засунула его в карман Володе.

– На память, – сказала она и пошла в сторону центра. Володя пошел за ней. Взял ее за плечо.

– Подожди! Не пори горячку...

– Руки убери. – Лариса дернула плечом. – Все нормально, я сама разберусь. Не иди за мной.

Дома она приняла ванну и легла в кровать, свернувшись калачиком.

«Будь что будет», – подумала она и быстро уснула.

Ей снился сон: она где-то в горах, вокруг много песка и людей. Все говорят о том, что произошла катастрофа. Спасти можно, только если они пройдут к песчаным дюнам, но дороги к ним не видно. И вдруг Лариса видит лестницу наверх, она поднимается по ней и оказывается возле бассейна. Она спрашивает у женщин в купальных шапочках, как дела. Ей отвечают, что хорошо, но она видит, что все натянуто улыбаются и держатся за край бассейна. А в бассейне грязная и холодная вода. Внезапно появляется Володя и пытается столкнуть ее в этот бассейн. «Тебе понравится, – говорит он, – посмотри, как много здесь знакомых!» И она видит, что вокруг плавают трупы.

Лариса открыла глаза. Было четыре часа утра. Она прошлепала на кухню, выглянула в окно: не было ни души, а под окном выла собака. Лариса закрыла форточку и вернулась в постель.

Утром она пошла в женскую консультацию. Врач, женщина средних лет, строго спросила:

– Месячные когда были в последний раз?

– Не помню. Месяца два-три назад...

– Календарик вести надо. Вы уже не девочка, чтобы элементарные вещи не записывать.

– Сегодня же заведу, – буркнула Лариса.

Срок оказался двенадцать недель. Аборт можно было сделать в течение одной недели, иначе будет поздно.

Лариса сидела на кухне у Вали и держала Женю на руках.

– Когда Петя возвращается?

– Через месяц.

– Значит, время еще есть. Володе сказала?

Лариса опустила голову

– Предлагает сделать аборт.

– Такой же, как и все... А ты сама что хочешь?

– Не знаю... Даже непривычно, что ты меня об этом спрашиваешь. Страшно мне.

– Конечно, страшно. Что будешь делать, решила?

– Пока нет.

Дома она написала письмо мужу, высказала все, что всегда хотела сказать, но не решалась. Беременность от другого мужчины скрывать не стала, предупредила, что подает на развод и на алименты. В конце добавила, что для нее самое страшное – это жить без любви, и пожелала Пете встретить свое настоящее счастье.

Письмо было сухим и лаконичным. Лариса особо не переживала, что будет испытывать Петя, когда прочтет это письмо. «Так будет лучше для всех, – решила она. – Это все-таки моя жизнь, а не Петина».

Вечером пришла расстроенная Валя и принесла домашнюю настойку.

– Давай, Ларочка, выпьем по чарочке.

– Мам, ты что? Я же беременна.

– Немного можно. Все идет наперекосяк.

– Что случилось?

– Этот карлик из Чехословакии Светке замуж предложил выйти, и она согласилась... Он ее как пить дать увезет к себе.

– И ты переживаешь, что останешься одна?

– Конечно! Я ее не для того в Ленинград учить отправила. Я не буду ее видеть, она выскочит замуж и уедет в Чехословакию, родит там таких же лилипутов и будет всю жизнь горбатиться на кухне, капусту с сосисками тушить. Для этого я жизнь свою вам посвятила, себе во всем отказывала, света белого не видела, измени терпела, чтобы у детей отец был...

– А почему ты с ним не развелась? Зачем столько лет терпела?

– Не знаю. Он мне мозги запудрил, в молодости говорил, что как только меня другой мужчина обнимет, его в эту секунду волна смоеет. Я боялась

первое время на мужиков смотреть, думала, что он погибнет, а я виноватой буду. А потом, у меня же образования законченного нет, вы на руках...

Я как представляла, что одна с детьми остаюсь, дурно становилось, а он этим пользовался...

И тут Валя разрыдалась. Так по-настоящему, по-женски. Как будто не дочери своей душу открывала, а близкой подруге. Женька, увидев, что бабушка плачет, тоже начала реветь. Лариса пыталась успокоить Женьку и мать одновременно, с Женькой на руках подбегала к матери, гладила ее по голове. Тут она споткнулась о Женин стульчик и разбила детскую стеклянную бутылку. Осколок врезался в стопу. Из ноги хлынула кровь.

– Мам, помоги, – крикнула Лариса.

Валя подскочила к дочери, взяла ребенка и быстро положила орущую Женьку в кровать. Помогла Ларисе дойти до ванной, включила холодную воду. Лариса подставила ногу под струю.

– Ничего, сейчас обрабатываем. У тебя перекись есть?

– Нет...

– Ну как же так... – начала была Валя, но потом опомнилась. – Зеленка найдется?

– В шкафу. – Лариса кивнула на шкафчик в ванной.

– Сейчас бы кровь дракона помогла, которую папа привозит, но обойдемся без нее...

– Вот только крови дракона нам и не хватает, – сказала Лариса, и две женщины засмеялись.

Потом они пили чай. Лариса с забинтованной ногой передвигалась по кухне, помогая Вале накрыть на стол.

– Да сядь, не скачи, сама все сделаю. Или, думаешь, не справлюсь?

– Стол накрыть? – уточнила Лариса.

И они опять засмеялись.

– Знаешь, почему я никогда не любила мыть посуду?

– Почему?

– С фарфора плохо жесткой водой смывается мыло.

– Не знала, я это не замечала. Я где-то вычитала, что, когда моешь посуду, активизируются клетки мозга, я поэтому так много посуды ставила на стол, чтобы эти клетки у тебя активизировались. Надо было сказать тебе...

– Ну как видишь, не помог твой метод, – улыбнулась Лариса.

– Ничего. Все наладится.

– Я письмо Пете написала и все ему рассказала.

– И правильно сделала! Как сына назовешь?

Лариса застыла как вкопанная.

– Мам, ты чего? Ты же хотела меня к врачу записать?

Валя обняла дочь и прижала к себе. Лариса немало съезжилась: она не привыкла к материнским ласкам. Валя ослабила объятия.

– Знаешь, я тут подумала – срок большой уже. Володька парень красивый, ребенок тоже красивый будет. Не от уродов же рожать. Что мы его, не воспитаем? И потом, двое детей всегда лучше, чем один.

Лариса еле проговорила:

– Воспитаем, конечно... Но я остаюсь одна с двумя детьми без высшего образования, – неожиданно для себя она повторила слова Володи.

– Поступить можно на заочный, а во всем остальном я помогу.

– Спасибо, мама, тебе за поддержку. Ты не передумаешь завтра?

– Не передумаю. Что мы с тобой все время ругаемся? Живем как кошка с собакой.

– Да ладно, я уже привыкла... Ты никогда ко мне с любовью не относилась, наверное, у тебя были причины.

– Прости меня... Вся моя жизнь прошла через одно место...

– А что мы папе скажем? Я как представлю его реакцию, мне плохо становится...

– А папе я скажу, если он будет нам нервы трепать, мы его «квартирантов» позовем на помощь. Не переживай! Уж кто-кто, а папа тебе не судья!

Лариса улыбнулась. Валя вскрикнула.

– Ты же костюмчик не посмотрела, который я Женьке в «Альбатросе» купила. Пойдем посмотрим! Я еще с размером сомневалась, ну хорошо, что белый взяла, второй будет донашивать.

– А вдруг это девочка будет?

– Ну и пусть девочка, главное, чтобы она счастливой была!

И они пошли рассматривать костюмчик для Женьки, которая, вдоволь наревевшись, спала в своей кровати.

